

Воскресенье, Ленинград, 1983, 14 ноября

В МИРЕ КИНО

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛЬМЕ

При свете дня

В основу фильма «Средь бела дня», поставленного режиссером В. Гурьяновым по сценарию А. Ваксберга и А. Шульгиной, положены материалы судебного дела. Исходным толчком стал опубликованный несколько лет назад в «Литературной газете» документальный очерк о человеке, который, защищая себя, честь и достоинство своих близких от надругательств и оскорбительных угроз, непреднамеренно совершил убийство и был осужден. Для смысла кинопроизведения оказывается важной не столько история происшествия с трагическими последствиями, сколько столкновение мнений вокруг случившегося, характеры и интересы вовлеченных в драму людей, их участие и взаимозависимость с тем, что случилось. Тут важен итоговый результат, сумма мнений вокруг общественного зла, которая обозначена рассказанной историей, моральный итог совершенного и совершившегося.

У фильма обманчиво-идиллическое начало. Режиссер и оператор В. Миронов рисуют картину летнего воскресного дня, залитый солнцем пейзаж с компанией отдыхающих. Много воздуха, света, праздничный стол на зеленой траве. После безобразной драки на виду у всего пляжа, после вынужденного отпора компании подвыпивших юнцов, когда праздничное настроение было вконец испорчено, а живописно сервированный завтрак на траве превратился в груды грязных с метков и осколков, хулиганы явились снова, пугая детей, приставая к женщинам. И случайно потерпевшаяся под руку палка тала, по юридической терминологии, орудие убийства. Тридцатипятилетний Мухин, мастер-наладчик мебельной фабрики и благополучный отец семейства, неожиданно сделался убийцей. И померк мир для Мухина — тот, что в начале фильма светился яркими красками. Валерий Золотухин играет на этот раз непривычно жестко. Играть человека рядового — обыкновенность его героя всячески подчеркивается ходом рассказанной истории. Беда-то общая, и случится такое могло, вероятно, с любым, а вот отвечать предстоит все же ему одному, Константину Мухину. И не только перед судом, но и перед собственной совестью, от которой спрятаться некуда. Понустительство хулиганству, молчаливое пособничество оборачиваются и другой своей неприглядной стороной — неприятием позиции открытой и непримиримой. Судьбу, меру наказания и —

что немаловажно — нравственную оценку поступка Мухина в фильме определяют две прямо противоположные фигуры. Следователь Иван Ефимович Боровиков — высокий, прямой, человек старого закала, никаких тонкостей и полутонов не признающий. «Вот и ладненько», — не скроет радости следователь, когда Мухин признается, наконец, что именно он нанес смертельный удар. Для него, старого следователя, пережившего, надо думать, многих районных прокуроров, главное, чтобы все было по форме, как надо. Чтобы начальство было довольно и общественность удовлетворена. Все для пользы дела. Какое дело и кому это надобно — привычка не велит задумываться. Знакомая схема, не правда ли? Старый службист, субъективно честный, у которого, однако, дело берет верх над индивидуальной судьбой, над человеком. Впрочем, есть у Боровикова, действительно сыгранного Виктором Шульгиным, и бытовая характерность, и житейская достоверность. Он человек вполне узнаваемый, и известная заданность образа обнаруживает себя в общей сюжетно-смысловой конструкции фильма лишь при столкновении с другой фигурой, несущей идею прямо противоположного отношения к делу и к человеку. С молодым прокурором Тихоновым в исполнении Андрея Толубеева — на экране они почти всегда рядом для пушей наглядности. Тихонов — человек, который сомневается. Характер, по замыслу авторов, динамичный, готовый к принятию решений нетрафаретных, способный отзываться на чужую боль, он неожиданно вместо положенной по протоколу обвинительной речи произнесет вдруг слово в защиту обвиняемого. «Простое же дело... Бело, как день», — уговаривает его Боровиков. И вдруг неожиданное возражение Тихонова: «То, что безнравственно, не может, не должно быть законным!» Безнравственно молчать и выжидать, когда тебя оскорбляют, когда угрожают тебе, твоей жене, твоему ребенку.

Судебный очерк — жанр в газетной публицистике распространенный. У него своя структура и своя типология персонажей. Подробности действия сопровождаются авторскими рассуждениями и размышлениями о жизненном явлении, породившем данное дело. Экран оперирует образом визуальным: здесь действует человек во плоти, нередко узнаваемый, с лицом известного актера. При переводе газетного очерка в ки-

новое кинопроизведение понадобились новые психологические подробности, более основательная проработка характеров. Отчасти это удалось, но не всегда и не вполне. Логика сюжета, его напряженность и атмосфера события воссозданы убедительно, а вот столкновение характеров осталось на уровне газетной публицистики.

Речь прокурора Тихонова на суде, как, впрочем, и его речи в эпизодах со следователем Боровиковым, становится лишь формой выражения авторской мысли. Авторского отношения, которое, конечно же, полностью совпадает с нашим зрительским, — мы тоже всей душой за Мухина. Но даже сила обаяния актера, его индивидуальность и незаурядное мастерство, позволяющие разнообразить отдельные моменты роли, преодолевая все же места явную драматургическую недостаточность, не дают тем не менее в сумме желаемого результата. Прокурор Тихонов так и останется в фильме рупором авторских идей, так сказать, комментарием вслух. В этом смысле его оппонент Боровиков — фигура, куда более живая при всей своей определенности, человек с прочитывающейся биографией, со множеством житейских подробностей.

Завтрак на траве с роковым исходом имел неизгладимые последствия не только на непосредственных участников трагического происшествия. (В этом смысле интересно, например, проследить за всеми изменениями, которые претерпевают в фильме, проживая нелегкие для нее дни и часы Лариса Мухина, непохожая на других, привычно лирических героинь Любови Виролайнен). Задуматься над окружающим, пересмотреть свои позиции по отношению к тому, что вчера казалось естественным или не заслуживающим внимания, приходится многим персонажам фильма — и в этом, наверное, его главный нравственный итог. Сюжетная завершенность кажется здесь менее обязательной. В финале Мухина все-таки осуждают. Заключительный титр разъясняет, что в основе фильма — материалы подлинного дела и по протесту прокурора новый суд Мухина оправдал. И по жизни, и по фильму справедливость, таким образом, должна восторжествовать — факт сам по себе важный и примечательный. Но только ли в нем дело? Режиссер неизменно внимателен к людям в толпе. Рассказывая современную историю, непременно подметит даже в дальних персонажах массовки их выразительную характерность, острую типажную достоверность. Во всех групповых сценах — и в зале суда, и на пляже, и среди второстепенных даже свидетелей — всюду ошутимо «документальное» прошлое постановщика. Надолго останется в памяти Валентина Ковель в небольшой роли матери убитого. Пронзительность тихого, неброского существования в кадре этой малопримечательной женщины принадлежит к самым сильным эпизодам фильма, лишний раз напоминая об истинной цене трагедии, свершившейся средь бела дня в людном месте. «Страшное вышло дело», — высказает отношение к ее горю Мухин.

Валерий Гурьянов известен многими документальными лентами о молодежи. «Средь бела дня» — вторая после «Тайного голосования» полнометражная игровая картина Гурьянова — продолжает поиски в том же направлении — создания публицистического кинопроизведения острой социально-нравственной проблематики и, несмотря на отдельные драматургические просчеты, несомненно, принадлежит к наиболее удачным работам «Ленфильма» последнего времени, по праву соседствуя на его афише рядом с такими картинами, как «Магистраль», «Торпедоносцы», «Пацаны».

Евгений АБ

ЗАКАНЧИВАЮТСЯ СЪЕМКИ